

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3

2021

А. Г. Фирсов

Духовное образование как спонсор правительства: духовно-учебный и типографский капиталы Синода в российском бюджете 1860-х гг.

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_33

Аннотация: Русская Церковь в 1860-е гг., как и в предшествовавшие периоды, пользовалась финансовой поддержкой государства, обладая при этом и собственными средствами, в том числе капиталами, находящимися в распоряжении Святейшего Правительствующего Синода. Самым значительным из них был духовно-учебный капитал, предназначенный обеспечивать функционирование духовно-учебных заведений. Но собственные средства Церкви могли использоваться для финансирования государственных расходов, таких как затраты на содержание аппарата ведомства православного исповедания. В ходе бюджетной реформы начала 60-х гг. XIX в. синодальные капиталы были признаны церковной собственностью, была предпринята попытка исключить церковные средства из государственного бюджета. С 1863 г. расходы на жалованье синодальным чиновникам стали производиться из казны, фонды духовно-учебных заведений были освобождены от нецелевых расходов. Но этот принцип последовательно не соблюдался: при финансовых затруднениях правительство могло вновь задействовать синодальные средства. В статье разбирается история перечисления 100 000 руб. из капиталов Синода в государственный бюджет на 1867 г. Эти примеры не позволяют говорить о финансировании государства Церковью, но их необходимо учитывать при оценке финансовых отношений Церкви и государства в России в синодальный период.

Ключевые слова: церковно-государственные отношения, финансовая реформа, государственный бюджет, духовно-учебные заведения, ведомство православного исповедания, Святейший Синод, церковные средства, синодальные капиталы.

Об авторе: **Андрей Германович Фирсов**

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История, философия, политология и социология» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

E-mail: agfirsov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6876-5972>

Ссылка на статью: Фирсов А. Г. Духовное образование как спонсор правительства: духовно-учебный и типографский капиталы Синода в российском бюджете 1860-х гг. // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 33–49.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2021

Andrey G. Firsov

**Spiritual Education as a Government Sponsor:
the Capitals of the Holy Synod
in the Russian Budget of the 1860s**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_33

Abstract: The Russian Church in the 1860s, as in previous periods, enjoyed the financial support of the state, while also having its own funds, including the capitals at the disposal of the Holy Governing Synod. The most significant of them was the fund of ecclesiastical educational institutions, intended to ensure the functioning of theological schools. But the Church's own funds could also be used to finance state expenditures, such as the costs of maintaining the apparatus of the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession. In the course of the budget reform (the beginning of the 1860s), synodal capital were recognized as church property, an attempt was made to exclude church funds from the state budget. Starting in 1863, the expenses for the salaries of synodal officials were made from the treasury, funds of theological educational institutions were exempted from unearmarked expenditures. But this principle was not consistently observed: in case of financial difficulties, the government could again use synodal funds. The article examines the history of the transfer of 100,000 rubles from the capital of the Synod to the state budget for 1867. These cases do not allow us to talk about the financing of the state by the Church, but they must be taken into account when assessing the financial relations of the Church and the state in Russia during the Synodal Period.

Keywords: church-state relations, financial reform, state budget, ecclesiastical educational institutions, the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession, the Holy Synod, church funds, synodal capital.

About the author: **Andrey Germanovich Firsov**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology at the Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railways.

E-mail: agfirsov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6876-5972>

Article link: Firsov A. G. Spiritual Education as a Government Sponsor: the Capitals of the Holy Synod in the Russian Budget of the 1860s. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 3, pp. 33–49.

Повышенное общественное внимание к материальному положению Православной Церкви в России не является исключительной чертой современности. Информационные всплески по теме церковных финансов можно проследить как минимум с эпохи Великих реформ — первого, наверное, периода публицистической активности в истории нашей страны. Интенсивность и содержание материалов средств массовой информации обуславливались и обуславливаются разными факторами: это и конкретные случаи, и общая социально-политическая обстановка, и состояние церковно-государственных отношений в то или иное время. В 1860-е гг. должно было действовать и специфическое обстоятельство — в рамках проходившего реформирования системы государственного бюджета публикация финансовых смет министерств и главных управлений, включавших и смету ведомства Святейшего Правительствующего Синода, становится законодательной нормой (ПСЗ-II, т. 37, № 39309, 473).

Об участии Российского государства в материальном обеспечении Православной Церкви известно со времени Крещения Руси. Установление прямого бюджетного финансирования церковных структур связано с секуляризацией церковных имений, осуществленной Екатериной II. Назначенные взамен отобранных имений штатные выплаты монастырям легли в основу формирования сметы Святейшего Синода в государственной росписи доходов и расходов. В первой половине XIX столетия существенным дополнением к смете стало жалование, выплачиваемое с 1829 г. беднейшим приходам [Римский, 1999, 122–123]. Рост государственных расходов по синодальной смете продолжился и в 1860–1870-х гг. Если в первом бюджете, составленном по новым правилам (на 1863 г.), духовное ведомство получало немногим более 5 млн руб., в 1879 г. было назначено свыше 10 млн (подробнее о составе сметы см.: [Фирсов, 2007, 322]). При этом доля таких расходов в государственном бюджете колебалась незначительно и редко превышала 1,5% [Смолич, 1996, 655]. Как ни интерпретировать эти выплаты: как достаточные или как недостаточные, как справедливые и общественно полезные, или наоборот, сам факт государственного финансирования Православной Церкви в Российской империи хорошо известен. А вот об обратном явлении — использовании церковных средств на государственные нужды — сложно встретить хотя бы упоминание как в научных, так и в полемических публикациях. Между тем подобные примеры можно найти, обратившись к материалам правительственного делопроизводства по бюджету периода Великих реформ.

Государственные субсидии были, конечно, не единственным и не главным источником финансирования церковной жизнедеятельности. Нужды и потребности приходов и монастырей удовлетворялись в основном за счет местных церковных доходов: пожертвований, поступлений от использования земель, угодий и другой недвижимости. В ведении Синода находились еще так называемые специальные капиталы: духовно-учебный капитал, образующийся из доходов от продажи церковных свеч и предназначенный для финансирования духовно-учебных заведений, типографский капитал, составлявшийся из доходов от деятельности синодальных типографий, и другие. Эти средства депонировались в разного рода ценных бумагах, и использовать на общецерковные нужды можно было только ежегодный процентный доход. Хозяйственное управление Синода составляло смету доходов и расходов специальных средств, она утверждалась Синодом, финансовый контроль за расходованием осуществлялся синодальным Контролем (историю образования капиталов см.: [Специальные капиталы, 1914]).

Синод был не единственным учреждением в России, обладавшим специальными средствами. Целый ряд министерств и главных управлений распоряжался средствами, не составлявшими «принадлежности казны» и не включавшимися в государственный бюджет, например доходами и расходами благотворительных учреждений, пользовавшимися установленными правительством источниками денежных поступлений, доходами и расходами «сословий или обществ на их собственные надобности» (ПСЗ-II, т. 37, № 38309, 469).

Но только Синод не представлял смету своих специальных средств в Государственный совет при рассмотрении бюджета на очередной год — церковные средства не подлежали государственному контролю.

Особый статус церковных средств был зафиксирован в ходе подготовки бюджетной реформы в результате очень серьезной дискуссии, развернувшейся в правительственных кругах. На протяжении нескольких лет, с начала разработки основных принципов реформы в 1857–1858 гг. и вплоть до публикации нового бюджетного законодательства в 1862 г., руководители ведомства православного исповедания, обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой и сменивший его на этом посту А. П. Ахматов, опираясь на авторитет митрополита Московского Филарета (Дроздова), настойчиво и последовательно отстаивали принцип невмешательства органов государственного финансового контроля в церковные доходы и расходы, за исключением, конечно, сумм, поступающих из казны [Яснопольский, 1912, 237–250; Фирсов, 2008]. Используемые для обеспечения церковной жизнедеятельности собственно церковные и государственные средства достаточно четко разграничивались на нормативно-правовом уровне [Фирсов, 2001].

До реформы 1862 г. церковные средства, в первую очередь синодальные капиталы, достаточно свободно использовались на нужды правительства. Так, еще в процессе формирования духовно-учебного капитала из него было изъято полтора миллиона рублей на формирование ополчения в Отечественную войну 1812 г. (Специальные капиталы, 1914, 5–6). Это событие, конечно, следует оценивать как пожертвование на оборону страны, к которому в тяжкую годину испытаний призывались все. Православная Церковь не могла остаться в стороне от борьбы с наполеоновским нашествием, как не оставалась она в стороне и в годы Великой Отечественной войны, жертвуя, в том числе, на создание боевых подразделений. Во вполне мирное время тот же духовно-учебный капитал активно задействовался для выплаты жалования чиновникам ведомства православного исповедания.

При увеличении окладов чиновникам высших и центральных органов власти и управления в 1838 г., на содержание личного состава управления духовных дел православного исповедания добавлялось 76 500 руб. казенных средств и 63 800 руб. церковных: из сумм Комиссии духовных училищ (49 690 руб.), доходов от церковных имений в Грузии (7650 руб.), капиталов Синодальной типографии (6550 руб.) (ПСЗ-II, т. 13, отд. 2, № 11875, 274). То есть почти половина суммы заимствовалась из синодальных капиталов.

В процессе формирования организационной структуры ведомства православного исповедания в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. значительная часть расходов по содержанию аппарата главного духовного управления была отнесена на счет собственных средств Синода. Так, из 105 190 руб., определенных по утвержденному 1 марта 1839 г. штату канцелярии обер-прокурора Синода, 44 980 руб. должны были выделяться из процентов с капитала духовно-учебных заведений (ПСЗ-II, т. 14, отд. 2, № 12068). Содержание духовно-учебного управления при Синоде, установленное в 84 670 руб., должно было в полной цифре покрываться из этого же источника (ПСЗ-II, т. 14, отд. 2, № 12070). Деятельность хозяйственного управления предусматривалось наполовину финансировать за счет процентного дохода с духовно-учебного капитала: доля этих средств в штатных расходах составила сумму в 65 020 руб. Еще 15 610 руб. выделялось из типографских сумм.

При этом из всей совокупности расходов на содержание хозяйственного управления казенные средства составляли приблизительно третью часть: 39 579 руб. из 120 200 руб., определенных по штату (ПСЗ-II, т. 14, отд. 2, № 12071). Нетрудно подсчитать, что более двух третей общей суммы штатных выплат составляли собственно церковные средства.

Изменения в штатной структуре ведомства православного исповедания также могли осуществляться за счет синодальных капиталов. В 1853 г., например, была учреждена должность начальника художественной экспедиции хозяйственного

управления. Выплата жалованья, установленного в 729 руб. 03 коп., должна была производиться из процентного дохода с капитала духовно-учебных заведений (ПСЗ-П, т. 28, отд. 1, № 27799). 1857 г. ознаменовался назначением двух дополнительных чиновников за обер-прокурорским столом с производством содержания по 1200 руб. каждому из типографского капитала (ПСЗ-П, т. 32, отд. 1, № 31478).

Конечно, расходы подобного рода трудно назвать прямым заимствованием церковных денег на государственные нужды. Синодальные управления и чиновники своей деятельностью обслуживали и церковные потребности. Такие выплаты можно расценивать как оплату квалифицированного менеджмента, предоставляемого правительством Церкви. Однако после бюджетной реформы практика финансирования жалованья чиновникам духовного ведомства из церковных средств была подвергнута сомнению.

Проект сметы казенных доходов и расходов ведомства Святейшего Синода на 1863 г., впервые подготовленный по новым правилам, по-прежнему предусматривал включение в состав государственного бюджета некоторых церковных сумм. Доходная часть этой сметы, представленной в департамент экономики Государственного совета 6 сентября 1862 г. (РГИА. Ф. 1152. Оп. 6. 1863 г. Д. 138а. Л. 207), состояла из одной статьи — «Пособие государственному казначейству на счет специальных средств духовного ведомства». Из церковных капиталов выделялось 84 093 руб. 19 коп.: 16 668 руб. составляли церковно-административные расходы в Западном крае, сумма в 430 руб. представляла собой денежную компенсацию за использование Виленским архиерейским домом доходов одного из казенных имений, а 66 995 руб. 19 коп. предназначались на содержание некоторых структур центрального управления духовного ведомства. Если сравнить суммы синодального пособия казначейству с общим количеством запланированных ассигнований на содержание этих подразделений (161 986 руб. 25 коп.), получится, что едва ли не половину (41,3%) сметных ассигнований по содержанию главного духовного управления предполагалось удовлетворять за счет церковных средств (РГИА. Ф. 1152. Оп. 6. 1863 г. Д. 138а. Л. 209 об.-212).

Проект не полностью отражал степень церковного участия в государственных расходах. Следует принять во внимание, что в этот документ не были включены сведения о финансировании еще одного ведомственного подразделения — духовно-учебного управления, штатное содержание которого в сумме 27 418 руб. 43 коп. полностью выплачивалось из процентного дохода с капитала духовно-учебных заведений (РГИА. Ф. 1152. Оп. 6. 1863 г. Д. 138а. Л. 297 об.). С учетом этой суммы доля церковных средств в правительственных ассигнованиях на обеспечение функционирования центрального аппарата ведомства православного исповедания увеличивалась до 58%, общая же сумма церковных выплат получалась равной 111 511 руб. 62 коп.

В отзыве на проект бюджета обер-прокурор Святейшего Синода А. П. Ахматов предложил отказаться от использования синодальных капиталов в качестве источника содержания центрального духовного управления, переведя выплаты на эти цели на счет казны. В свою очередь, Синод должен был взять на счет доходов от специальных средств содержание ряда духовно-учебных заведений, в сумме 88 219 руб. 69 коп., финансирование которых осуществлялось казначейством по параграфу 7 сметы: «Пособие духовному ведомству на содержание духовно-учебных заведений», в частности, учреждаемых в этом же году училищ для девиц духовного звания в епархиях Западного края. «Было бы... совершенно рационально, — говорилось в записке, — эти взаимные пособия совершенно из сметы исключить, тем более, что при этом достигалась бы другая цель: единство в расходах, с одной стороны, Государственное Казначейство приняло бы на себя издержки по содержанию Центрального управления Святейшего Синода... каковые расходы, по самому существу своему, не должны относиться на такие доходы как, например, свечной сбор, а с другой, из капиталов Духовно-учебного управления производились бы за сим уже все издержки на училищную часть по духовному ведомству» (РГИА. Ф. 1152. Оп. 6. 1863 г. Д. 138а. Л. 297).

Для уравнивания сумм казенных и церковных издержек, подлежавших взаимозамене, предполагалось исключить из сметы те расходы государственного казначейства, которые вполне обоснованно могли быть отнесены на счет специальных средств Синода. Обер-прокурор указывал на следующие ассигнования:

1) Содержание попечительств о бедных духовного звания в Рижской, Самарской и Камчатской епархиях в сумме 1997 руб. 96 коп. «Расход этот, — пояснял документ, — занесен в смету потому только, что он производился прежде из капитала на пенсии и пособия духовенству, переданного в казну, но конечно, содержание попечительств не может лежать на Государственном казначействе»;

2) Личные вознаграждения некоторым духовным сановникам: пособия и пенсии, содержание священнослужителей, командированных из монастырей в гражданские ведомства, содержание причта Синодальной церкви, общей суммой в 13 470 руб. «Подобного рода расходы, — отмечалось в записке, — производятся и ныне из капиталов духовства Западных епархий, состоящих в ведении Святейшего Синода и ближе, могут быть отнесены на капитал Типографский, чем содержание канцелярии обер-прокурора и т. п.»;

3) Сверхштатные расходы Духовных мест Западных епархий в сумме 7884 руб. 91 коп., составляющие, по разъяснению обер-прокурора, «те же пособия лицам духовного звания, монастырям, церковным причтам и т. п.» (РГИА. Ф. 1152. Оп. 6. 1863 г. Д. 138а. Л. 297 об.-298).

Сложив суммы, исключаемые из бюджета, получаем 111 572 руб. 56 коп. Синод, таким образом, терял 60 руб. 94 коп. Для достижения полного равновесия Ахматов предлагал увеличить на столько же казенные ассигнования по параграфу 6 сметы — на содержание городского и сельского духовенства (РГИА. Ф. 1152. Оп. 6. 1863 г. Д. 138а. Л. 298).

По всей видимости, в ведомстве православного исповедания придавали большое значение задуманным мероприятиям. Во всяком случае, обер-прокурор счел необходимым обратиться за поддержкой к председателю департамента экономии Государственного совета П. Ф. Броку. 18 февраля А. П. Ахматов направил ему письмо, в котором просил «не оставить... содействием к утверждению сделанных... предположений» (РГИА. Ф. 1152. Оп. 6. 1863 г. Д. 138а. Л. 299–299 об.).

Но попытка управляющего духовным ведомством обеспечить удачное разрешение вопроса не привела к желаемым результатам. 23 февраля 1863 г. смета Святейшего Синода обсуждалась на заседании департамента государственной экономии. Как следует из содержания проекта журнала этого заседания, предложение о взаимозамене казенных и церковных ассигнований в принципе не были отвергнуты. Однако их реализацию предполагалось отложить до следующего года (РГИА. Ф. 1152. Оп. 6. 1863 г. Д. 138а. Л. 304).

Такое решение департамента экономии, скорее всего, было связано с необходимостью скорейшего завершения работы над государственным бюджетом. Даже первый этап этого процесса — рассмотрение ведомственных смет — еще не был пройден, хотя подходил к концу второй месяц бюджетного года. Изменение структуры сметы Святейшего Синода требовало соответствующего делопроизводственного оформления, следовательно, дополнительного времени. В условиях серьезного отставания от установленных сроков составления государственной росписи доходов и расходов вполне рациональный проект духовного ведомства оказывался несвоевременным.

Тем не менее у обер-прокурора оставалась возможность добиться пересмотра решения, которой он не замедлил воспользоваться. 28 февраля проект журнала департамента экономии по смете Синода был направлен главе духовного ведомства для ознакомления и согласования. В ответных замечаниях, представленных через несколько дней, 4 марта, подробно разъяснялась точка зрения ведомства православного исповедания на проблему использования синодальных капиталов в государственном бюджете.

«Не могу не заявить искреннего сожаления, — писал А. П. Ахматов, — что предположение о перечислении взаимных пособий Государственного Казначейства и Духовного

ведомства не разрешено в настоящем году, но отложено до будущего; весь труд по этому предмету состоял бы в уничтожении доходной сметы и четырех расходных статей и в прибавке одной расходной, а между тем, недопущение этой перемены в текущем году заставит Духовное ведомство отложить не только желательное, но крайне нужное теперь же опубликование бюджета духовно-учебных заведений. Я не считаю нужным скрывать, — продолжал обер-прокурор, — а напротив, полагаю обязанностью заявить о поводах к сему. Известно, что все духовно-учебные заведения содержатся из одного специального источника: свечного сбора. Со времени его установления и доселе как в духовенстве, так и в народе существует сомнение в правильном употреблении поступающих сумм. Между тем, вопиющие нужды Духовно-учебного ведомства и безнадежность на другую помощь вынудили Святейший Синод обратить внимание духовенства на увеличение свечного сбора. Этого можно ожидать только при убеждении народа и духовенства, что жертвуемые суммы идут по назначению на образование юношества духовного звания опубликованием бюджета. Откладывать эту меру значит откладывать и надежду на усиление средств к отвращению необходимых нужд, которые, равно как и ропот — неминуемое их следствие — растут не дожидаясь. Опубликование же бюджета с показанием таких статей расхода, как содержание разных канцелярий и других, не соответствующих назначению, поведет не только не к увеличению средств, но к такому может быть уменьшению их, которое вынудит закрытие духовно-учебных заведений. Казалось бы, — предполагал руководитель синодального ведомства, — что возможность таких последствий стоит внимания правительства» (РГИА. Ф. 1152. Оп. 6. 1863 г. Д. 138а. Л. 304 об.-305).

Итак, по мнению А. П. Ахматова, использование церковных средств в государственном бюджете препятствовало росту церковных поступлений на духовное образование. Насколько основательно выглядела такая угроза? В какой степени сто с лишним тысяч рублей, выплачиваемых на содержание аппарата духовного ведомства, ущемляли духовные школы?

Согласно смете расходов специальных средств Синода на предыдущий, 1862 г., общая сумма расходов из духовно-учебного капитала составляла 1 666 782 руб. 17 коп. Из них на содержание центрального управления духовного ведомства выделялось 69 869 руб. 45 коп., или 4,2% (РГИА. Ф. 802. Оп. 13. Д. 83. Л. 742 об.-746).

Относительные показатели расходования духовно-учебных средств на содержание подразделений главного духовного управления выглядят не очень значительными. Однако такая оценка меняется при сравнении этих цифр с информацией о годовом бюджете духовно-учебных заведений. Так, например, на содержание семинарии, согласно действовавшим с 1836 г. штатам, должно было выделяться, в зависимости от разряда, от 18 275 до 51 950 руб.; уездного духовного училища — от 3075 до 3850 руб.; приходского училища — от 1000 до 1450 руб. По тем же штатам Московская духовная академия могла рассчитывать на перечисление 94 800 руб., Киевская — 91 800 руб., и Санкт-Петербургская — 126 350 руб. в год [Дьяконов, 1907, 377]. Иными словами, затраты по финансированию аппарата синодального ведомства были сопоставимы с расходами на содержание высшего религиозного образовательного учреждения. Эти выплаты могли бы обеспечить функционирование нескольких семинарий или нескольких десятков духовных училищ.

Для понимания позиции духовного ведомства следует учитывать, что в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. обозначились серьезные проблемы в деле финансового обеспечения духовно-учебных заведений. Сумма расходов по содержанию духовных школ регулярно превышала сумму поступающего из епархий свечного сбора. Руководство синодального ведомства было всерьез озабочено поиском путей увеличения поступлений от продажи свечей [Римский, 1999, 307]. Следует также иметь в виду, что в эти годы шла подготовка реформы системы духовного образования, с 1860 г. работал учрежденный Синодом особый комитет под председательством архиепископа Херсонского Димитрия (Муретова), который подготовил проект нового семинарского устава. Доходы от «свечных» денег — основа финансирования духовной

школы — не могли быть затронуты в ходе дискуссии: одно из предложений заключалось в передаче сбора их в епархиальные комитеты для прямого финансирования местных духовных школ [Сухова, 2006, 131–136]. Повсеместное сокрытие причитаний доходов от продажи свеч в храмах ни для кого не было тайной, воздействовать на ситуацию административными мерами не получалось [Римский, 1999, 132–134]. В таких условиях этическая безупречность финансовых операций по свечному сбору расценивалась как одна из важнейших предпосылок эффективности проектируемых мероприятий.

Таким образом, руководство духовного ведомства действительно имело все основания полагать, что сохранение в бюджете духовно-учебного управления нецелевой расходной статьи может негативно отразиться на поступлении свечных денег из епархий. С публикацией этих данных, действительно, не спешили. Сведения о расходовании духовно-учебного капитала за 1860 г. вышли из печати в составе всеподданнейшего отчета обер-прокурора Синода в 1862 г. Отчет за 1861 г. был опубликован только в 1864 г., а отчеты за 1862–1864 гг. вообще не были изданы (Извлечение, 1860, 1861). После возобновления издания в приложениях стали помещаться, как и в отчетах за 1836–1856 гг., только общие цифры прихода, расхода и остатка по духовно-учебному капиталу (Извлечение, 1866, 110. Приложение).

6 марта 1863 г. департамент государственной экономии повторно обсуждал проект сметы Святейшего Синода. В итоговой части журнала этого заседания содержались положения об исключении из раздела о доходах суммы, вносимой из специальных средств Синода, и об изменениях в структуре сметных расходов — предложения обер-прокурора об исключении церковных средств из государственного бюджета были приняты (РГИА. Ф. 1152. Оп. 6. 1863 г. Д. 138а. Л. 309–309 об.). Интересно, что при этом в тексте журнала никак не отразилась дискуссия по этим предложениям, не был зафиксирован даже сам факт их рассмотрения. По всей видимости, доводы А. П. Ахматова, изложенные в записке от 4 марта, были признаны вполне убедительными, и никто из участников обсуждения не был заинтересован в продолжении полемики. Во всяком случае, в ходе дальнейшего делопроизводства по смете Синода этот вопрос не затрагивался. Откорректированные показатели запланированных затрат по синодальному ведомству вошли в состав свода государственной росписи доходов и расходов, конфирмованного Александром II 2 мая 1863 г. (ПСЗ-II, т. 38, отд. 2, № 39577).

В истории формирования первого бюджета России, создаваемого по новым правилам, можно проследить стремление к отказу от использования церковных средств для покрытия правительственных расходов. Но строгое разграничение церковных и государственных финансов не стало принципом бюджетной политики. В 1866 г., например, на содержание административного здания духовного ведомства в Петербурге 9500 руб. будет выделено из синодальных капиталов (РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 385. Л. 43). А в 1881 г. обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев в ответ на запрос о возможном сокращении государственных расходов по синодальной смете напишет: «Ни одно ведомство не стоит государству так дешево, как ведомство духовное, и положительно, ни одно ведомство ни оказывает казне столько пособия в содержании администрации, как духовное» (РГИА. Ф. 1214. Оп. 1. Д. 22. Л. 31 об.).

И все же церковные дотации на содержание аппарата духовного ведомства выглядят более-менее оправданно, их можно трактовать как оплату услуг кадровых специалистов-чиновников. Но в истории финансовых взаимоотношений Православной Церкви и государства в пореформенное время можно встретить и случай прямого бюджетного донорства.

Основные мероприятия бюджетной реформы начала 60-х гг. XIX в. должны были заложить основы нормального функционирования финансовой системы Российской империи. Однако установление четких правил составления и исполнения государственной росписи доходов и расходов не могло автоматически разрешить финансовые затруднения российского правительства. Характерной чертой пореформенного

бюджета стало повторяющееся из года в год превышение расходов над доходами [Погребинский, 1954, 88].

В 1866 г. возникли сложности с привлечением иностранного финансового кредита — в Европе начался экономический кризис. В этих условиях состояние государственного бюджета и российских финансов в целом становится предметом особого внимания со стороны правительства [Чернуха, 1978а, 208]. Основные усилия правительства оказались сосредоточены на проблеме сокращения государственных расходов, поскольку несбалансированность бюджета представлялась наиболее острой проблемой. Во всеподданнейшем отчете по итогам выполнения росписи 1865 г. государственный контролер В. А. Татаринов заключал, что строгая ревизия финансовых смет хотя и позволяет ежегодно добиваться серьезного сокращения расходов, но не предотвращает дефицит. Ярким тому примером, по мнению Татаринова, мог служить бюджет на 1866 г. «Несмотря на значительное (свыше 18 млн руб. — А. Ф.) сокращение расходов, — говорилось в документе, — и на этот раз государственная роспись не могла быть сведена без довольно значительного дефицита» (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 1 об.—2 об.).

В самом деле, при формировании бюджета на 1866 г. в нем был предусмотрен дефицит в размере 24,5 млн руб., для покрытия которого потребовались экстраординарные ресурсы. По решению Комитета финансов, утвержденному 24 декабря 1865 г., часть требуемой суммы (12,5 млн руб.) была отнесена на счет остатков от одного из заграничных займов, а другая часть — на счет дополнительного выпуска билетов Государственного казначейства (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 196. Л. 6).

В качестве обстоятельства, препятствовавшего стараниям правительства предотвратить возникновение дефицита, государственным контролером было названо несовершенство системы контроля за балансом бюджета. «При ежегодной проверке наших финансовых смет, — сообщалось в отчете, — учреждения, к тому призванные <...> ограничиваются наблюдением, чтобы предмет испрашиваемого расхода был разрешен действующими постановлениями, а цифра его не превосходила размера, существующими же постановлениями определенного, не имея, конечно, при этом рассмотрении, права входить в обсуждение самых постановлений» (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 3).

Действительно, определенный бюджетным законодательством порядок рассмотрения и утверждения смет не предполагал возможности обсуждения целесообразности того или иного казенного ассигнования. Сметные правила 22 мая 1862 г. гласили: «По составлении финансовых смет... они одновременно препровождаются в Министерство финансов, в Государственный Контроль и в Государственный Совет (ст. 17). <...> Министерство финансов поверяет сии сметы против существующих законоположений, и, по удостоверении, что ими оправдываются предмет и размер предположенных назначений, составляет из всех смет... общую государственную роспись доходов и расходов (ст. 18). <...> Государственный Контроль... производит проверку сметных предположений против действительного исполнения предыдущих смет (ст. 22). <...> Департамент экономии Государственного Совета рассматривает сметы и замечания Министерства финансов и Государственного Контроля и делает заключения по возникшим замечаниям (ст. 25)» (ПСЗ-II, т. 37, отд. 1, № 38309, 471–472).

Таким образом, законодательные основы тех или иных статей государственных расходов не могли быть видоизменены в процессе делопроизводства по формированию бюджета. «Между тем, — замечалось в отчете государственного контролера, — нельзя не согласиться, что изменение некоторых из действующих по части государственного хозяйства правил и законоположений могло бы иметь существенное влияние на уменьшение сметных расходов» (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 4).

С точки зрения В. А. Татаринова, достигнуть успеха в деятельности по предотвращению дефицита в государственном бюджете было возможно только при условии осуществления особых мер, «прямо направленных к искоренению хронического зла наших финансов — постоянного превышения расходов над доходами» (РГИА. Ф. 563.

Оп. 2. Д. 201. Л. 13). В качестве такой меры государственный контролер предложил провести пересмотр нормативных актов, устанавливающих или регулирующих назначения по ведомственным финансовым сметам. По мнению Татаринова, в ходе этого пересмотра должна была выявиться перспектива существенного сокращения расходной части бюджета, что «имело бы последствием постепенное уменьшение, и, затем, быть может, и уничтожение... дефицитов» (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 4 об.).

Осуществление предложенной государственным контролером ревизии законодательных основ сметных назначений затронуло бы деятельность всех отраслевых органов управления. Практика правительственного делопроизводства в таких случаях предполагала необходимость координации работы на межведомственном уровне. Решением императора инициатива В. А. Татаринова была передана на рассмотрение высшего консультативного учреждения по вопросам финансовой политики — Комитета финансов (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 7 об.).

Итоги обсуждения предложения о пересмотре всего комплекса постановлений, назначающих бюджетные выплаты, зафиксированы в журнале заседания Комитета финансов 11 мая 1866 г. (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 13–17). В соответствии с текстом этого документа, участники заседания единодушно признали, что «критический в этом смысле разбор... финансовых смет привел бы к открытию вопросов, от разрешения коих можно, по крайней мере, в будущем, ожидать столь настоятельно необходимого равновесия в... государственном бюджете» (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 13 об.–14). Соображения государственного контролера были приняты за основу решения — согласно журналу, в ходе пересмотра смет предстояло определить, «какого рода расходы могли бы подлежать сокращению собственно от изменения относящихся к ним законоположений и правил, какие расходы можно ограничить определенной нормой, и... какие из них следует вовсе отменить как несоответствующие более современным требованиям или как излишние за последовавшими, по разным управлениям, преобразованиями» (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 14).

Реализацию принятого решения предполагалось поручить особой группе правительственных деятелей. При этом, по мнению Комитета финансов, к трудам по ревизии смет следовало обязательно привлечь статс-секретарей Н. А. Милютину и А. П. Заблоцкого-Десятовского, служебные занятия которых предполагали близкое знакомство с предметом работы. В целом же персональный состав группы не был установлен. В журнале определялось следующее: «Предоставить войти по вышеозначенному предмету в соображение тем из членов оного (Комитета финансов. — А. Ф.), которые заведывают частями, сосредоточивающими в себе потребные для таковых изысканий материалы и данные» (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 14 об.–15).

Выявить возможных кандидатов в состав группы ответственных исполнителей решения нетрудно. Из восьми участников заседания — на последней странице журнала стоят подписи: великого князя Константина Николаевича, графа М. Н. Муравьева, К. В. Чевкина, П. Ф. Брока, А. М. Княжевича, М. Х. Рейтерна, В. А. Татаринова и П. А. Валуева — руководящие посты занимали четверо: председатель департамента экономии Государственного совета К. В. Чевкин, министр финансов М. Х. Рейтерн, государственный контролер В. А. Татаринов и министр внутренних дел П. А. Валуев. При этом П. А. Валуев официально не входил в состав Комитета финансов, а возглавляемое им ведомство имело другой профиль. Кандидатура Чевкина представляется вполне возможной, хотя и маловероятной, — департамент государственной экономии, как учреждение совещательное, не располагал собственными оригинальными материалами, необходимыми для предполагаемой работы (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 17 об.).

Вероятней всего, определение Комитета финансов предполагало, что работу по пересмотру смет будут координировать министр финансов и государственный контролер. Однако конкретные лица не были указаны — персональное назначение заданий высшим чиновникам, скорее всего, относилось к прерогативам монарха. Во всяком случае, Александр II при рассмотрении решения отредактировал предложения о составе предполагаемой комиссии — согласно императорской помете на полях журнала,

занятия по ревизии законодательных основ бюджетных назначений должны были производиться «под председательством... князя Гагарина» (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 15).

Один из самых маститых правительственных деятелей эпохи, отметивший в 1865 г. шестидесятилетие государственной службы, князь П. П. Гагарин обладал значительным опытом работы в высших коллегиальных органах власти и управления и, по всей видимости, пользовался доверием царя. Достаточно сказать, что на момент нового назначения он одновременно председательствовал в Комитете министров, Государственном совете (в случаях отсутствия вел. кн. Константина Николаевича), Западном, Сибирском, Кавказском комитетах и Комитете по делам Царства Польского [Шилов, 2001, 158]. В ходе пересмотра ведомственных смет следовало ожидать возникновения внутривластных разногласий по вопросу о целесообразности и размере тех или иных ассигнований — каждое министерство, несомненно, отстаивало бы свои бюджетные прерогативы. Вероятно, фигура князя Гагарина на посту руководителя новой комиссии рассматривалась Александром II в качестве залога соблюдения общегосударственных интересов и, что не менее важно, интересе самого монарха.

Так или иначе, но первым делом назначенного председателем Гагарина стала коррективна принятого решения. Совместно с министром финансов М. Х. Рейтерном он представил императору записку с изложением соображений о регламенте предстоявшей работы. Авторы записки считали невозможным приступать к ревизии смет без предварительного сбора и систематизации материалов по всем нормативным актам, от пересмотра которых можно было бы ожидать сокращения расходов. Поэтому предполагалось, что «предварительно учреждения комиссии возложено будет на управления, имеющие все к тому данные, составить полный перечень всех подлежащих к рассмотрению вопросов и обставить каждый из них теми данными и соображениями, которые необходимы для коллегиального рассмотрения» (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 20). Поскольку такими сведениями в наиболее полной форме располагали ведомства министерства финансов и государственного контроля, именно руководителям этих управлений следовало «составить помянутые соображения и затем... представить их на Высочайшее... благоусмотрение о направлении дальнейшего хода этого дела» (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 20 об.).

Журнал Комитета финансов, предусматривавший учреждение комиссии по пересмотру смет, был утвержден Александром II 20 мая 1866 г. (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 13). Императорская резолюция «Исполнить» на записке Гагарина и Рейтерна датирована 22 мая 1866 г. (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 201. Л. 18). Таким образом, практически сразу же реализация принятого решения была отложена — очевидно, что при предложенном в записке порядке работы, с учетом объема трудов по подготовке необходимой информации, собственно ревизия законодательных основ сметных назначений переносилась на неопределенный срок.

По сведениям ряда неофициальных источников, заседание Комитета финансов 11 мая 1866 г. было использовано оппонентами министра финансов М. Х. Рейтерна для активизации критики в его адрес. В итоге споров было принято решение о составлении Рейтерном подробного доклада для императора с анализом финансового положения страны и предполагаемых мер по его улучшению — документа, который оправдывал бы его деятельность [Чернуха, 1978б, 271–275].

Представления министра финансов об основных задачах финансово-экономического развития России были изложены во всеподданнейшей записке, представленной в сентябре 1866 г. В исследованиях по экономической истории России этому докладу уделено немало внимания. Еще в конце 50-х гг. прошлого столетия И. Ф. Гиндин оценивал записку Рейтерна 1866 г. как основополагающий документ финансово-экономической политики царского правительства второй половины 60-х — 80-х гг. XIX века [Гиндин, 1959, 67].

Действительно, основное содержание записки Рейтерна посвящено решению стратегических проблем, таких как упорядочение системы финансового кредита или развитие железнодорожного строительства. Тем не менее, немало внимания

уделялось и вопросу об уменьшении государственных расходов. С точки зрения министра финансов, избежать ревизии государственной росписи было невозможно. Без сокращения бюджетных ассигнований государственное банкротство становилось неминуемым. «Сокращение расходов, — говорилось в записке, — представляется не только необходимым, но и неизбежным... правительству предстоит лишь выбор: сделать ли самому эти сокращения, или допустить до того, что Высочайше утвержденные расходы останутся за неимением денег невыполненными. Первое поднимет наш кредит и даст возможность выждать лучшие времена, не нарушая главных жизненных интересов России, допустить же до невозможности исполнения Высочайше утвержденных расходов значило бы лишиться, вместе с кредитом, и всякого политического влияния и внутри империи ослабить уважение народа к достоинству и силе правительства» [Шепелев, 1999, 153].

Специфика хода дел по выполнению решения Комитета финансов о пересмотре законодательных основ сметных ассигнований дает основания полагать, что идея сокращения бюджетных расходов в той или иной форме не пользовалась поддержкой в правительственных кругах и воспринималась как самая крайняя мера. Во всяком случае, министр финансов считал необходимым представить новую программу пересмотра бюджета, существенно отличавшуюся от утвержденного ранее проекта. Прежде всего, ревизии должны были подвергнуться не нормативные акты, определявшие состав государственной росписи, а собственно назначаемые по финансовым сметам ассигнования. Кроме того, Рейтерн предлагал учитывать степень важности тех или иных расходов. «Текущие расходы правительства, — сообщалось в докладе, — могут быть подразделены на несколько категорий для легчайшего обсуждения возможности достигнуть сбережений. Некоторые расходы правительство не имеет право уменьшить; есть ведомства, коих расходы, по разным причинам, или вовсе не могут быть уменьшены, или даже требуют увеличения, так что те сбережения, которые по этим ведомствам могли бы быть достигнуты по одним статьям, должны быть обращены на другие расходы по тому же ведомству» [Шепелев, 1999, 154–155].

Такой вариант позволял ослабить возможное противодействие проекту со стороны руководителей отдельных ведомств. Поскольку сокращению предполагалось подвергнуть не все ведомственные сметы, количество вероятных оппонентов уменьшалось, что, несомненно, облегчало решение одной из важнейших, по мнению М. Х. Рейтерна, задач государства в области финансов — «сократить расходы, несмотря на все представляющиеся к тому неудобства и затруднения» [Шепелев, 1999, 159].

Так или иначе, вопрос о сокращении смет оказался главным предметом дискуссии при рассмотрении записки министра финансов правительством Александра II. Доклад разбирался в Комитете финансов 29 сентября, единственным результативным решением, принятым по указанию участвовавшего в совещании монарха, было постановление о необходимости снижения правительственных затрат [Чернуха, 1978б, 280]. Заседание Совета министров, созванное 6 октября для более детального обсуждения предстоящих сокращений, прошло в бурных и неконструктивных спорах, прерванных императорским повелением о самостоятельной подготовке всеми министрами предложений по уменьшению подведомственных им бюджетных ассигнований [Чернуха, 1978б, 282–283].

Таким образом, после обсуждения программного доклада М. Х. Рейтерна перед правительством была поставлена задача: добиться в 1867 г. значительной экономии денежных ресурсов казны путем сокращения бюджетных расходов по ведомственным финансовым сметам. В отношении расходов по смете ведомства православного исповедания эта задача была решена неординарным способом.

Подготовленный в хозяйственном управлении Святейшего Синода проект сметы доходов и расходов по ведомству православного исповедания был направлен в департамент экономии Государственного совета 29 июля 1866 г. (РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г. Д. 169-а. Л. 297). Изучение сметы и последовавших замечаний и предложений заняло немало времени и потребовало изрядной работы: только для непосредственного

рассмотрения проекта членам департамента пришлось собираться трижды — итоговый журнал заседаний датирован 22 сентября, 5 и 19 октября 1866 г. (РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г. Д. 169-а. Л. 411). Однако в ходе согласования сметы в государственных органах финансового управления и контроля сокращения бюджетных ассигнований, постановленное императорским повелением 6 октября 1866 г., не было произведено.

Сумма казенных кредитов, исчисленная в синодальном варианте проекта сметы, составила 6 389 317 руб. 77 1/2 коп. (РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г. Д. 169-а. 300 об.—301). С учетом изменений, определенных департаментом государственной экономии, эту цифру требовалось увеличить почти на четыреста тысяч рублей — главным образом, за счет вновь назначенного пособия православному духовенству в Юго-Западных губерниях (РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г. Д. 169-а. Л. 414). Между тем в 1866 г. бюджетные выплаты ведомству православного исповедания были назначены в сумме 6 079 764 руб. (ПСЗ-II, т. 41, отд. 2, № 42898, 15). Таким образом, правительственные расходы по смете Святейшего Синода в 1867 г. должны были не только не уменьшиться, но, наоборот, возрасти.

Интересно, что такой исход дела полностью соответствовал проекту сокращения расходов, представленному в сентябрьской записке М. Х. Рейтерна. В предложенной министром финансов схеме дифференцированного уменьшения выплат по ведомственным сметам главное духовное управление занимало место среди тех министерств, расходы которых не могут быть сокращены, а, скорее, требуют увеличения. К числу таких ведомств, помимо Синода, были отнесены министерства двора, юстиции, почт и телеграфов, народного просвещения и другие [Шепелев, 1999, 155]. Иными словами, запланированная резекция бюджетных расходов не должна была затронуть финансы синодального ведомства.

Однако доклад министра финансов, согласно которому ведомство православного исповедания следовало освободить от необходимости уменьшения расходов, не получил статуса официальной директивы. Кроме того, содержание доклада было признано секретным и вряд ли могло открыто использоваться в делопроизводстве [Чернуха, 1978б, 278]. Во всяком случае, в документации Государственного совета, посвященной рассмотрению росписи доходов и расходов и ведомственных смет на 1867 г., итоги обсуждения программной записки министра финансов представлены только в виде императорского повеления о необходимости сокращения расходов каждого из ведомств. «Государь Император, — сообщается в журнале заседания департамента экономии 22 и 24 марта 1867 г., — в заседании Совета Министров 6 октября 1866 г. Высочайше повелеть соизволил: расходы всех ведомств сократить до пределов крайней возможности, возложив на обязанность министров и главных начальников отдельных частей сообщить министру финансов к 20 октября 1866 г., для всеподданнейшего доклада, о сокращениях по вверенным им ведомствам против сметы 1866 г.» (РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г. Д. 169-х. Л. 283 об.). Поскольку это приказание последовало в официальном порядке, глава ведомства православного исповедания был обязан представить свои предложения по решению проблемы бюджетного дефицита в масштабах вверенного ему управления даже в том случае, если он знал о мнении Рейтерна относительно синодальных финансов.

22 октября 1866 г. обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. А. Толстой направил министру финансов записку о возможных способах участия ведомства православного исповедания в деле сокращения государственных расходов на 1867 г. (РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г. Д. 169-а. Л. 395).

Основную часть текста записки Д. А. Толстого составляет обзор основных подразделений синодальной сметы с точки зрения возможности сокращения производимых по ним выплат. Подводя итоги проведенного анализа, обер-прокурор писал: «Не подлежит, кажется, никакому сомнению, что потребности этого ведомства (ведомства православного исповедания. — А. Ф.) удовлетворяются далеко не в надлежащей степени, что многие из них требуют безотлагательного увеличения, о котором Святейший Синод останавливается ходатайством единственно во внимание настоящего затруднительного положения Государственного Казначейства, и что произвести

сокращения по этим расходам значило бы парализовать действия Духовного ведомства» (РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г. Д. 169-а. Л. 400 об.).

В условиях недостаточного финансирования церковной жизнедеятельности участие ведомства православного исповедания в решении проблемы дефицита государственного бюджета могло бы выразиться, по мнению Д. А. Толстого, в однократной выплате в казну определенной суммы из синодальных капиталов. «При такой невозможности облегчить расходы казны, — писал обер-прокурор, — я обратился к собственным средствам Святейшего Синода, и при всей их ограниченности, и при значительности упдающих на счет их издержек, желая принести со стороны Духовного ведомства посильную жертву Государственному Казначейству, полагал предоставить в распоряжение казны одновременно из типографского капитала сто тысяч руб. в пятипроцентных билетах и облигациях Главного общества железных дорог, на что члены Святейшего Синода изъявили мне словесно свое согласие» (РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г. Д. 169-а. Л. 401).

В то время, когда специалисты духовного ведомства разрабатывали предложения по сокращению бюджетных расходов, смета Святейшего Синода уже была составлена. Более того, процесс рассмотрения основных показателей финансирования деятельности ведомства православного исповедания департаментом экономии Государственного совета близился к завершению. Иными словами, синодальная смета была в принципе готова к включению в государственную роспись. При таких обстоятельствах изменение тех или иных параметров этого финансового документа требовало дополнительных делопроизводственных работ. Кроме того, значительную часть ассигнований по смете Синода составляли штатные выплаты, которые не могли быть изменены в административном порядке. Наконец, для духовного ведомства даже разовое уменьшение цифрового значения государственных расходов по обеспечению церковной жизнедеятельности, скорее всего, представлялось нежелательным — это могло быть использовано в дальнейшем в качестве прецедента. Ведь в случае возобновления финансирования в объемах 1866 г. (например, в 1868 г.) показатели соответствующей сметы выглядели бы, по отношению к 1867 г., возросшими. А добиться утверждения синодального бюджета с увеличенными цифрами было бы затруднительно. Поэтому выплата в казну «отступных» ста тысяч рублей из синодальных капиталов выглядела наименее затратным способом выполнения монаршего повеления о сокращении ведомственных расходов. К тому же такое мероприятие могло бы способствовать формированию в правящих кругах благоприятного впечатления о деятельности ведомства православного исповедания.

Так или иначе, предложенный обер-прокурором вариант решения проблемы уменьшения казенных расходов по синодальному ведомству оказался вполне приемлемым для правительства. Соответствующее постановление было включено в журнал департамента экономии Государственного совета «О дополнительных сметах министерств и главных управлений на 1867 г.», составленный по итогам заседаний 22 февраля и 1 марта 1867 г. (РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г. Д. 169-х. Л. 273). Согласно решению департамента экономии, в смету государственных доходов по ведомству Святейшего Синода дополнительно вносилось временное поступление в сумме 100 000 руб. с обозначением источника — капитала синодальных типографий (РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г. Д. 169-х. Л. 275 об.). Это изменение было зафиксировано и в итоговых бюджетных документах, утвержденных императором 29 марта 1867 г. (РГИА. Ф. 565. Оп. 14. Д. 495. Л. 4).

Итак, включение в состав государственной росписи 1867 г. пособия казначейству из собственных средств Синода было определено законодательно. Но в синодальной документации это ассигнование оказалось оформлено не совсем обычным порядком.

Среди документов бухгалтерии хозяйственного управления Синода сохранился рукописный экземпляр сметы специальных средств на 1867 г., в котором ряд сметных показателей исправлен чернилами красного цвета. При этом в графе «Основания назначения» сделаны ссылки на законодательные акты по государственной росписи на тот же год. В числе таких исправлений содержится и информация о выделении

из типографского капитала 100 000 руб. в пособие государственному казначейству. Однако в этом случае в качестве основания указано определение Святейшего Синода от 14/21 июня 1867 г. (РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 568. Л. 101 об.–102).

Смета доходов и расходов специальных средств на 1867 г. была утверждена Синодом 21 декабря 1866 г. (РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 568. Обложка). Хотя предложение обер-прокурора о выделении 100 000 руб. из типографского капитала последовало еще в октябре месяце, планируемый расход не мог быть включен в смету — государственная роспись на 1867 г., утверждавшая инициативу синодального ведомства, еще не была составлена. После оформления бюджета в законодательном порядке смету специальных средств Синода, безусловно, предстояло согласовывать с требованиями государственной росписи. Вместо переоформления всего используемого массива финансовой документации в таких случаях, согласно принятой практике, в официальные экземпляры сметы чернилами красного цвета вносились необходимые коррективы с указанием основания для того или иного изменения или дополнения.

Наличие в государственной росписи пункта о поступлении в казначейство определенной суммы из синодальных капиталов само по себе не могло служить достаточным основанием для включения в смету специальных средств Синода соответствующего дополнительного расхода. Правительство не обладало правом свободного использования чуждых государству финансовых источников — а сугубо церковный статус типографского капитала был особо оговорен в ходе подготовки бюджетной реформы 1862 г. [Яснопольский, 1912, 239–243]. Полномочия по управлению общецерковными финансами принадлежали Святейшему Правительствующему Синоду, и для расходования этих ресурсов требовалась санкция высшей церковной власти.

Соответствующее распоряжение зафиксировано в протоколе Синода за № 1303 от 14 июня 1867 г. «Об изменении некоторых статей в смете доходов и расходов специальных средств ведомства Святейшего Синода на 1867 г.». Согласно этому документу, хозяйственному управлению предписывалось включить в смету дополнительную статью доходов: «100 000 р., внесенные из основного типографского капитала Св. Синода на единовременное пособие Государственному Казначейству». Расходная часть сметы должна была быть сообразно увеличена на те же 100 000 руб., необходимые исправления требовалось сделать и в итоговых суммах доходов и расходов (РГИА. Ф. 796. Оп. 209. 1867 г. Д. 1488. Л. 404 об.–405).

Интересно, что в журнале заседания Синода от 14 июня 1867 г. вопрос о выделении денежного пособия казначейству никак не отразился. Между тем, обычно в текст журнала включалась информация о составлении отдельного протокола по тому или иному вопросу. О всех остальных протоколах, датированных 14 июня, соответствующие отметки в журнале заседания были сделаны (РГИА. Ф. 796. Оп. 443. Д. 579. Л. 643–686). Вполне возможно, что такая практика — оформление самостоятельного протокола (который, в отличие от журнала, мог быть подписан не всеми участниками заседания) — применялась в синодальном делопроизводстве для предотвращения конфликтных ситуаций в тех случаях, когда прогнозировалась негативная реакция со стороны членов Синода на предложение обер-прокурора.

Среди денежных средств, состоявших в заведовании Синода, типографский капитал предоставлял наибольшую свободу для финансовых операций: доходы от работы синодальных типографий значительно превышали расходы по обеспечению издательской деятельности, а распоряжение прибылью не было регламентировано ни государственным законодательством, ни церковными постановлениями. Эти обстоятельства определяли возможность использования типографских сумм на «все ведомственные безотлагательные потребности» (Специальные капиталы, 1914, 9). Правда, как правило, расходы назначались в пределах суммы ожидаемых доходов и ренты, только в нестандартных случаях Синод разрешал задействовать основной капитал, помещенный в ценные бумаги.

Согласно утвержденному в декабре 1866 г. варианту сметы специальных средств, в 1867 г. ожидалось 302 586 руб. 58 коп. типографских поступлений (РГИА. Ф. 799.

Оп. 29. Д. 568. Л. 25 об.). Однако эта сумма была полностью распределена по различным расходным статьям той же сметы (РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 568. Л. 101 об.). Ко времени оформления в июне 1867 г. синодального определения о перечислении 100 000 руб. в пособие государственному казначейству сметные назначения могли быть в той или иной степени реализованы. Соответственно, экстраординарная выплата довольно значительной суммы из оборотных средств, скорее всего, представлялась неосуществимой. В таких условиях решение о расходовании части основных активов типографского капитала выглядело вполне обоснованным.

Виза обер-прокурора, допускающая это решение к исполнению, датирована 21 июня, через два дня, 23 июня, выписка из определения была направлена в хозяйственное управление (РГИА. Ф. 796. Оп. 209. 1867 г. Д. 1488. Л. 405 об.). После внесения в смету специальных средств необходимых поправок передача в государственное казначейство суммы в 100 000 руб. из типографского капитала становилась вопросом бухгалтерской и кассовой техники.

Собственные средства Синода, в абсолютных цифрах, почти не пострадали от проведенной финансовой операции. По сведениям официального издания, фактические типографские доходы в 1867 г. составили 362 042 руб. 39 коп., а расходы — 268 498 руб. 26 коп. (Извлечение, 1867, 104. Приложение). Иными словами, действительный баланс по этому разделу синодальной сметы был сведен с положительным сальдо в 93 544 руб. 13 коп. Остаточная прибыль, как правило, присоединялась к основному типографскому капиталу. Таким образом, убытки от участия ведомства православного исповедания в деле сокращения государственных расходов покрывались едва ли не полностью.

В то же время в масштабах государственного бюджета экономия 100 000 руб., достигнутая благодаря выделению соответствующей суммы из Типографского капитала Святейшего Синода, выглядела далеко не самым значительным сбережением. По данным образования в 1878 г. Особой Высшей комиссии для изыскания способов к сокращению государственных расходов, в 1867 г. ассигнования по государственной росписи удалось уменьшить на 22 342 876 руб. (РГИА. Ф. 1214. Оп. 1. Д. 15. Л. 341 об.). Даже в общей сумме расходов по ведомству православного исповедания доля синодального пожертвования составила только около 1,5 % — смета 1867 г. предусматривала выплату из казны 6 774 352 руб. 96 коп. (ПСЗ-II, т. 42, отд. 2, № 44413, 152). Однако безвозмездное перечисление в казначейство собственных средств Синода в любом объеме имело принципиальное значение. Церковные деньги вошли в состав государственного бюджета и должны были быть израсходованы на нужды правительства.

Конечно, приведенные примеры не могут служить основанием для утверждения о финансировании Православной Церковью российского государства в 60-е гг. XIX в. С их помощью не получится доказать, что Церковь оказывала государству существенную материальную помощь. Но они свидетельствуют о том, что даже самые, казалось бы, очевидные аспекты церковно-государственных отношений в синодальный период истории Русской Церкви, такие как материальное содержание Церкви государством, при детальном изучении выглядят не столь однозначно.

Источники и литература

Источники

1. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 563. Оп. 2. Д. 196, 201; Ф. 565. Оп. 14. Д. 495; Ф. 796. Оп. 209. 1867 г. Д. 1488; Ф. 796. Оп. 443. Д. 579; Ф. 799. Оп. 29. Д. 568; Ф. 799. Оп. 31. Д. 385; Ф. 802. Оп. 13. Д. 83; Ф. 1152. Оп. 6. 1863 г. Д. 138-а; Ф. 1152. Оп. 7. 1867 г. Д. 169-а, 169-х; Ф. 1214. Оп. 1. Д. 15, 22.

2. ПСЗ-II — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 13. 1838 г. Отд. 2. СПб., 1839. № 11875; Т. 14. 1839 г. Отд. 2. СПб., 1840. № 12068, 12070, 12071; Т. 28. 1853 г. Отд. 1. СПб., 1854. № 27799; Т. 32. 1857 г. Отд. 1. СПб., 1858. № 31478; Т. 37. 1862 г. Отд. 1. СПб., 1865. № 308309; Т. 38. Отд. 2. СПб., 1866. № 39577; Т. 41. 1866 г. Отд. 2. СПб., 1868. № 42898; Т. 42. 1867 г. Отд. 2. СПб., 1871. № 44413.

3. Извлечение (1860, 1861) — Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за [1860, 1861] год. СПб., 1862, 1864.

4. Извлечение (1866) — Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода гр. Д. А. Толстого по ведомству православного исповедания за 1866 год. СПб., 1867.

5. Извлечение (1867) — Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1867 г. СПб., 1868.

6. Специальные капиталы (1914) — Специальные капиталы Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1914.

Литература

7. Гиндин (1959) — *Гиндин И. Ф.* К вопросу об экономической политике царского правительства в 60–80-х годах XIX века // Вопросы истории. 1959. № 5. С. 63–82.

8. Дьяконов (1907) — *Дьяконов К.* Духовная школа в царствование императора Николая I. СПб., 1907.

9. Погребинский (1954) — *Погребинский А. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). М., 1954.

10. Римский (1999) — *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху великих реформ. М., 1999.

11. Смолич (1996) — *Смолич И. К.* История Русской церкви. 1700–1917. Ч. I. М., 1996.

12. Сухова (2006) — *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006.

13. Фирсов (2001) — *Фирсов А. Г.* Православная Церковь и финансовая реформа начала 60-х гг. XIX века // Герценовские чтения. 2001. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2001. С. 44–46.

14. Фирсов (2007) — *Фирсов А. Г.* Государственное финансирование Православной Церкви в России в период «великих реформ» // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2007. Т. 1. № 17. С. 321–324.

15. Фирсов (2008) — *Фирсов А. Г.* «Охранить собственность церковную...»: святитель Филарет (Дроздов) и финансовая реформа 1862 г. // Филаретовский альманах. 2008. № 4. С. 147–157.

16. Чернуха (1978а) — *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX века. Л., 1978.

17. Чернуха (1978б) — *Чернуха В. Г.* Программная записка министра финансов М. Х. Рейтерна (сентябрь 1866 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Л., 1978. С. 269–284.

18. Шепелев (1999) — *Шепелев Л. Е.* Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX века). СПб., 1999.

19. Шилов (2001) — *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. СПб., 2001.

20. Яснопольский (1912) — *Яснопольский Л. Н.* Очерки русского бюджетного права. Ч. 1. М., 1912.